

Т.В. Натхов
Университет Брауна, США

Л.И. Полищук
НИУ ВШЭ, Москва

Политэкономия институтов и развития: как важно быть инклюзивным¹

Размышления над книгой D. Acemoglu, J. Robinson
«Why Nations Fail»

Часть II. Институциональная динамика и выводы для России

Аннотация. Во второй части статьи анализируются взгляды на трансформацию институтов в современной политической экономике, в том числе в цикле исследований Д. Асемоглу и Дж. Робинсона о причинах успехов и неудач стран мира в экономическом развитии. Основное внимание уделяется объяснению устойчивости инклюзивных и экстрактивных институциональных режимов, а также критическим развилкам, где возникает многовариантность институциональных порядков. Обсуждаются возможности выхода из порочного круга экстрактивных институтов. Представления о возникновении и воспроизводстве экстрактивных институтов иллюстрируются и уточняются на примере российских реформ начала 1990-х годов, представляющих собой пример критической развилки. Особое внимание уделяется долгосрочным институциональным последствиям проведения реформ без общественного участия и контроля. Делается вывод о том, что в такого рода политической среде естественным образом складываются экстрактивные институты. Анализируется взаимосвязь экстрактивных институтов и культурных сдвигов в российском обществе.

Ключевые слова: *инклюзивные и экстрактивные институты, критические развилки, политическая экономия институтов и развития.*

Классификация JEL: D72, O10, O57, P16.

Введение

В первой части статьи проанализировано состояние современных теоретических и эмпирических исследований о роли институтов в экономическом развитии и о конфликте интересов между обществом и элитами в отношении институционального выбора. Предпринятый анализ был мотивирован книгой Д. Асемоглу и Дж. Робинсона «*Why Nations Fail*» («Почему страны терпят неудачи»), основные положения которой состоят в следующем.

1. Для экономического развития необходимы инклюзивные экономические институты, обеспечивающие благоприятные условия для производительной деятельности и эффективного приложения и накопления производственных ресурсов. В противоположность инклюзивным, экстрактивные институты перераспределяют богатство в пользу элит, подавляя при этом частный сектор и препятствуя модернизации и развитию. Инклюзивные институты обеспечивают

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

устойчивый рост, тогда как экстрактивные институты в лучшем случае способны поддержать ограниченный во времени догоняющий рост и в конечном итоге ведут к экономическому упадку.

2. К инклюзивному либо экстрактивному типу могут быть отнесены не только экономические, но и политические институты. Экстрактивные политические институты обеспечивают политическую монополию правящих элит, не ограничивая их системой сдержек и противовесов. Инклюзивные политические институты обеспечивают более широкое представительство во власти различных общественных групп.

3. Между политическими и экономическими институтами существует тесная связь – как правило, в данной стране они относятся к одному и тому же типу. Однотипные политические и экономические институты воспроизводят друг друга во времени, и такие конфигурации носят устойчивый характер.

4. В истории могут возникать критические развилки, когда подобные динамические равновесия оказываются разбалансированными и появляется возможность качественных изменений институционального порядка, при которых меняется его тип.

Во второй, заключительной части статьи предметом анализа является институциональная динамика, в том числе механизмы воспроизводства инклюзивных и экстрактивных институтов в добродетельном или порочном круге, и институциональные реформы. Особое внимание уделяется российским реформам начала 1990-х годов, которые стали критической развилкой, предопределившей тип институционального режима на последующие десятилетия.

1. Трансформация институтов

1.1. Институциональный дрейф

Экономические и политические институты изменяются со временем, но большей частью эти изменения не затрагивают природы режима; такая эволюция названа в «*Why Nations Fail*» институциональным дрейфом. Д. Норт, Б. Вайнгаст и Дж. Валлис (North, Weingast, Wallis, 2009) согласны с тем, что общественные порядки устойчивы, хотя и нестатичны, и что перемены в обществе, сколь бы радикальными они порой ни казались, далеко не всегда являются признаками развития и прогресса. Подобные взгляды представляют собой очевидный отход от оптимистических воззрений эволюционной теории институтов или гипотезы модернизации и находят солидную эмпирическую поддержку.

Косвенным свидетельством устойчивости институциональных режимов является значимость для современного экономического развития событий отдаленной истории (тезис «*history matters*»). Стабильные институты могут оказаться передаточным звеном между историей и сегодняшним днем². Согласно этой гипотезе важные исто-

² Роль передаточных звеньев могут также играть нормы, ценности, знания и технологии (Nunn, 2009), которые, впрочем, в свою очередь, тесно связаны с институтами.

рические события оказывают сильное долгосрочное воздействие на социальные и экономические порядки; преобразованные этими событиями институты могут длительное время оставаться неизменными в своей основе, и следы истории в таком случае обнаруживаются в современных институтах. Такой подход позволяет использовать факты и события истории как инструментальные переменные для сегодняшних институтов. Эмпирически подтвержденная валидность подобных инструментов становится серьезным аргументом в пользу концепции институционального дрейфа.

Примерами применения таких исторических инструментов в институциональных исследованиях являются упомянутые в первой части статьи работы Д. Асемоглу, С. Джонсона и Дж. Робинсона (Acemoglu, Johnson, Robinson, 2001, 2002), где вариации современных институтов связываются со смертностью европейских поселенцев и уровнем урбанизации бывших колоний, а также использованием в качестве предиктора институтов типа правовой системы (*legal origin*), трансплантированной из Европы в бывшую колонию (Porta, Lopez-de-Silanes, Shleifer, 2008). Сюда же следует отнести статью (Nunn, 2008), где тестируется идея С. Энгермана и К. Соколоффа (Engerman, Sokoloff, 2000) о негативном влиянии на современные институты возделывания тропических культур, требовавших массового использования рабского труда, а также (Acemoglu, Johnson, Robinson, 2005a), где исторические корни современных институтов обнаруживаются в развитии трансатлантической торговли.

Институциональный дрейф объясняется в «*Why Nations Fail*» механизмами порочного (в случае экстрактивных институтов) либо добродетельного (в случае инклюзивных институтов) круга. И в том и в другом случае распределения экономической и политической власти находятся в гармонии друг с другом и на протяжении длительных периодов истории воспроизводят неизменные в своей основе институциональные порядки.

1.2. Есть ли выход из порочного круга?

Упомянутая выше гипотеза модернизации позволяет надеяться на совершенствование институтов в результате экономического роста — возможного и при экстрактивных институтах. Если экономическое благополучие укрепляет демократию, то рост экономики может способствовать возникновению более инклюзивных политических, а вслед за ними и экономических институтов. Согласно Р. Барро (Barro, 1999) повышение жизненного уровня действительно предвещает переход к демократии, однако более поздние исследования ставят этот вывод под сомнение. По мнению А. Пржеворски с соавторами (Przeworski et al., 2000), экономическое развитие как таковое не влечет за собой демократии, хотя шансы демократии на выживание выше в более экономически благополуч-

ных обществах. В (Acemoglu, Johnson, Robinson, Yared, 2008, 2009) показано, что в статистической связи между ростом и демократией присутствует ложная корреляция и что эта связь исчезает при включении в панельные регрессии фиксированных эффектов отдельных стран. Этот вывод справедлив как в отношении связи между доходами и качествами демократии, так и применительно к влиянию экономического развития на переход к демократии или ее возможное сворачивание. Таким образом, для отдельных стран (within-country variations) нет эмпирических свидетельств причинного воздействия роста на демократию.

Согласно С. Липсету (Lipset, 1960) экономическое развитие совершенствует институты, поскольку способствует взаимопониманию и достижению согласия в обществе относительно взаимовыгодного общественного устройства (важная роль в таком механизме отводится образованию). Может ли общество, осознавшее свой коллективный интерес в более эффективных институтах, достичь договоренности о замене экстрактивных институтов инклюзивными? Такая реформа обеспечила бы совокупный экономический выигрыш (ввиду того что экстрактивные институты представляют собой «игру с отрицательной суммой»). Этот выигрыш позволяет компенсировать потери элит, возникающие при отказе от экстрактивных институтов, и добиться таким образом согласия элит на прогрессивные институциональные преобразования³. Подобный консенсус элит и масс воплощал бы известную теорему Коуза (Coase, 1960), согласно которой рациональные агенты способны договориться о совместных действиях, если эта договоренность сулит суммарный выигрыш и определяет порядок его распределения между сторонами.

К сожалению, в случае институциональных реформ эта умозрительная возможность оказывается иллюзорной. Даже если представить себе, что элиты и массы способны прийти к соглашению по Коузу, элиты с недоверием воспримут обещания компенсаций и с полным основанием будут полагать, что после утраты политической и экономической монополии они, в свою очередь, подвергнутся экспроприации. Ввиду отсутствия надежных механизмов исполнения договоренности между элитами и массами политическая теорема Коуза оказывается неприменимой (Acemoglu, 2003), и добровольное согласие между привилегированным классом и остальной частью общества выглядит поэтому маловероятным.

Сомнения в отношении политической теоремы Коуза указывают на то, что перспективы институциональных преобразований зависят не только от возможности получить в результате реформ совокупный экономический выигрыш, но и от того, как ожидаемый выигрыш распределяется между различными группами в обществе. Иными словами, при оценке перспектив институциональных реформ следует учитывать не только их совокупную эффективность, но и распределе-

³ Фактически речь идет о критерии Калдора–Хикса, когда имеется теоретическая возможность компенсировать потери проигравших в результате реформы, чтобы получить в итоге улучшение по Парето.

ние в обществе выигрыша и потерь в результате реформ (Acemoglu, Johnson, Robinson, 2005b).

Пренебрежение политической экономией реформ объясняет неудачи многочисленных попыток целенаправленно усовершенствовать политические и экономические институты – иными словами, разорвать порочный круг экстрактивных институтов посредством «институциональной инженерии» (Przeworski, 2004). Так, номинальная демократизация политических институтов далеко не всегда улучшает экономическое положение масс и нередко позволяет элитам сохранить свои привилегии. Согласно (Acemoglu, Robinson, 2008) демократизация ограничивает власть элит де-юре, но последние могут компенсировать этот урон инвестициями в политическую власть де-факто при помощи манипуляций демократическими институтами (лоббирование, коррупция, использование СМИ в политических целях, подчинение политических партий и пр.). В результате элиты сохраняют контроль над экономическими институтами, и положение дел в экономике и обществе остается инвариантным к политическим преобразованиям. В устойчивости экстрактивных институтов авторы «*Why Nations Fail*» видят проявление «железного закона олигархии» (несколько вольно интерпретируя сформулированное социологом Р. Михельсом понятие) – политические реформы сами по себе неспособны кардинально изменить олигархическую природу режима.

Не лучше обстоит дело с попытками решить проблемы развития при помощи поверхностных – не продиктованных и не востребованных внутренней логикой развития страны – экономических реформ, за которыми часто стоят международные организации и доноры. При этом неявно предполагается, что власти страны, испытывающей проблемы в развитии, не знают правильных решений, которые должны быть подсказаны экспертами-консультантами. На самом деле, по мнению Д. Асемоглу и Дж. Робинсона, куда важнее вопрос не о том, как реформировать экономику, сколько о том, почему необходимые и достаточно очевидные реформы не были проведены до сих пор. Сказанное относится как к попыткам добиться системных улучшений (макроэкономической стабильности, либерализации, приватизации и пр.), так и к изолированным отраслевым реформам государственной службы и финансов, социальных услуг, инфраструктуры и пр.⁴ Невозможно достичь процветания сугубо техническими решениями («you can't engineer prosperity»), не меняя институциональной природы режима, заключают авторы «*Why Nations Fail*».

Сказанное проливает свет на причины частых неудач экономических реформ, проводившихся в 1980–1990-е годы в развивающихся странах и государствах с переходной экономикой. Следование предписаниям популярного в те годы «Вашингтонского консенсуса»

⁴ Как и в случае политических реформ, элиты имеют возможность минимизировать невыгодные для себя последствия экономических преобразований, сохраняя экстрактивные экономические институты де-факто, несмотря на изменения де-юре – подробнее см. (Glaeser et al., 2004; Polishchuk, 2012). Реальный эффект экономических реформ особенно незначителен при низком уровне подотчетности обществу правящего класса (Acemoglu, Johnson, Querubin, Robinson, 2008), т.е. на фоне экстрактивных политических институтов. Это вновь подтверждает общий вывод об устойчивости кластеров экстрактивных институтов в экономике и политике.

(Williamson, 1996) не обеспечило устойчивого экономического роста в странах Латинской Америки, преодоления бедности и отсталости в Африке и не позволило утвердить успешные рыночные демократии в большинстве стран с переходной экономикой. Анализируя причины неудач, Д. Родрик (Rodrik, 2006) приходит к выводу о бесперспективности реформ на фоне неблагоприятного в целом институционального климата. «Институты по своей природе глубоко укоренены в обществе. Если рост действительно требует крупных институциональных перемен в области верховенства закона, прав собственности, государственного управления и т.п., то как не быть пессимистами в отношении перспектив роста в бедных странах? ... Такие перемены обычно происходят очень редко — возможно, после войн, революций и иных крупных политических потрясений... на развилках истории» (Rodrik, 2006, p. 979).

1.3. Критические развилки

На критических развилках истории институциональный режим выводит из равновесия политические и экономические катаклизмы, радикально меняющие статус-кво. Институциональный дрейф в таких случаях прерывается, и дальнейшее развитие становится многовариантным, причем выбор той или иной из имеющихся возможностей может зависеть от сравнительно малозначительных в иных условиях факторов и обстоятельств.

Критические развилки авторы «*Why Nations Fail*» иллюстрируют расходящимися институциональными траекториями Испании и Англии вследствие различного использования этими странами возможностей международной торговли, эпидемией чумы в XIV в., способствовавшей росту экономических свобод на западе Европы и закреплению крестьян на востоке континента, колониальными завоеваниями, промышленной революцией, политической нестабильностью после ухода диктаторов и пр.

Критические развилки могут возникнуть в ситуациях, когда политическая власть элит по тем или иным причинам дает трещину, и в таких случаях элиты становятся сговорчивее и должны так или иначе пойти навстречу массам. Наименее затратная для элит возможность разрядить ситуацию — откупиться от общества разовой уступкой, чтобы восстановить статус-кво; экстрактивный институциональный режим при этом остается в неприкосновенности. Массы, однако, могут не принять такого варианта и потребовать долгосрочных решений. Обещания элит и в дальнейшем более щедро делиться с массами будут восприняты как ненадежные — скорее всего элиты откажутся от своих обещаний, когда политическая ситуация вновь стабилизируется. В таком случае угроза потерять все и отказ масс довольствоваться малым может принудить элиты согласиться на политические реформы (демократизацию и разделение власти), результатом которых стано-

вятся инклюзивные политические, а затем и экономические, институты. Выстроенная на данной логике теория демократизации подробно изложена в монографии (Acemoglu, Robinson, 2006)⁵.

Критические развилки возникают непредсказуемо, причем речь идет не только о явлениях природы, географических открытиях и прорывах в технологиях, но и о внезапной нестабильности авторитарных режимов, где отсутствуют надежные механизмы раннего предупреждения о нарастающих проблемах и рисках (Kuran, 1997). В силу указанных причин критические развилки правомерно рассматривать как источник экзогенных вариаций в глобальном «естественном эксперименте», а значит, гипотезу критических развилок можно проверить эмпирически. Такая проверка предпринята в (Acemoglu, Johnson et al., 2008, 2009), где показано, что страновые фиксированные эффекты, ответственные за наблюдаемую связь между экономическим развитием и демократией, обусловлены историческими факторами, связанными с возникновением критических развилок. Таким образом, корреляция между демократией и развитием объясняется возникновением на критических развилках различных кластеров экономических и политических институтов, причем для инклюзивных кластеров характерны демократия и рост, а для экстрактивных – авторитарные режимы и застой в экономике.

Условием возникновения на критической развилке инклюзивных институтов является создание широких (плюралистических) коалиций в поддержку таких режимов. В противном случае институциональный выбор останется в руках групп интересов, которые распорядятся им к собственной выгоде и обеспечат себе политические и экономические привилегии в виде экстрактивных институтов. При таком сценарии на критической развилке происходит лишь ротация элит (подтверждая «железный закон олигархии»), не меняющая природы институтов.

В «*Why Nations Fail*» приводятся примеры разворотов истории, когда на критических развилках возникают инклюзивные институты: Великая французская революция и Славная революция в Англии, реставрация Мейдзи в Японии, демократизация Испании после Франко, Ботсвана в XX в., и особенно после обретения независимости, Бразилия конца минувшего века и пр. Во всех случаях залогом успеха оказалось пробуждение, укрепление и активное участие в политике различных общественных групп, сил и движений, которые уравновешивают влияние элит и сдвигают институты в направлении, отвечающем интересам общества в целом.

2. Выводы для России

России в «*Why Nations Fail*» отводится сравнительно скромное место – главным образом, как одному из кейсов экстрактивных

⁵ Имеется русский перевод книги (Acemoglu, Робинсон, 2015а). Другие авторы обращают внимание на возможность возникновения более инклюзивных институтов («порядков открытого доступа») в результате внутри-элитных договоренностей (см. (North, Wallis, Weingast, 2009; Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011)). В частности, такие договоренности страхуют политические риски поражения в конкуренции между группами элит (Lizzeri, Persico, 2004; Polishchuk, Syunyaev, 2015).

институтов в дореволюционную и советскую эпоху. Особое внимание уделяется советскому периоду, в том числе феномену быстрого роста советской экономики в результате сверхцентрализации, концентрации ресурсов и принудительного труда, характерного для экстрактивных институтов. Такой рост, однако, оказался ограничен во времени, и когда ресурсы экстрактивного развития были исчерпаны, попытки поправить дело различного рода техническими решениями и частными реформами провалились, и советский режим прекратил свое существование.

Постсоветский период российской истории в книге практически не рассматривается. Между тем концепция инклюзивных и экстрактивных институтов и теория возникновения и эволюции институциональных режимов, представленная в книге, оказывается чрезвычайно полезной для понимания развития России с начала 1990-х годов и по настоящее время.

2.1. Реформы и демократия

В конце 1980 – начале 1990-х годов в научной литературе, экспертном сообществе и политических кругах сложилось мнение о том, что экономические реформы, направленные на финансовую стабилизацию, либерализацию и приватизацию экономики, едва ли могут получить необходимую общественную поддержку, и поэтому полноценно функционирующая демократия не является наилучшей политической средой для реформ (см., например, обзор (Rodrik, 1996)). Парадоксальный отказ общества поддержать необходимые для развития реформы объяснялся различными причинами, включая опасения глубокого экономического спада во время переходного периода, социально-экономическую неопределенность и отторжение риска, недоверие к власти, особенности психологии и пр. (Alesina, Drazen, 1991).

Ввиду отсутствия мандата общества на реформы считалось необходимым оградить реформаторов от общественного влияния и контроля, позволив им таким образом провести необходимые преобразования и поставить общество перед свершившимся фактом. Так, по мнению Дж. Сакса, «если реформаторы хотят ликвидировать контроль над ценами, они не должны стоять и говорить об этом – они должны это сделать, поскольку каждый будет против освобождения цен... пока это не стало свершившимся фактом» (Williamson, 1996, p. 509–510). Стремление достичь общественного согласия по поводу реформ было бы напрасной тратой времени, поскольку общество плохо разбирается в экономике и экономической политике (op. cit., p. 505). Аналогичной точки зрения придерживался и Е.Т. Гайдар⁶.

Несмотря на популярность авторитарного сценария преобразований, обычно речь не шла о ликвидации демократии, а скорее

⁶ «...Невозможность сказать всю правду людям о положении страны, о том, что делаешь, – это, к сожалению, приходит вместе с реальной властью» (Гайдар, 1996, с. 313). «Один дурак может задать столько вопросов, что сто мудрецов не ответят» (цит. соч., с. 303). Д. Родрик обращает внимание на распространенность среди экономистов неверия в здравый смысл простого народа и эффективность политических институтов, особенно в молодых демократиях (Rodrik, 1996).

о приостановке ее действия за счет усиления полномочий исполнительной ветви власти и ограничения общественного контроля на время реформ. Расчет делался на то, чтобы получить в конечном итоге демократическую поддержку реформ задним числом — *ex post*, когда появятся зримые свидетельства пользы нового институционального режима для общества (Roland, 2000). При такой стратегии общественный консенсус относительно предстоящих реформ становится необязательным, а попытки его достичь станут бесполезной тратой времени с риском упустить политическое окно возможностей, когда оппоненты реформ разобщены, деморализованы или могут быть привлечены на сторону реформаторов различными посулами. Политически пассивное общество оказывается при этом не субъектом, а объектом институциональных реформ, а демократия рассматривается как обременение, а не ресурс преобразований⁷.

Разумеется, есть некоторая непоследовательность в том, что инклюзивные (букв. «включающие», «общедоступные») институты создаются без участия и согласия масс, но это само по себе не исключает возможности успешных реформ сверху, проводимых просвещенными, ответственными и прогрессивно мыслящими политиками-технократами. Другое дело, что свидетельства, представленные в «*Why Nations Fail*», заставляют усомниться в продуктивности такого подхода, поскольку создание реально действующих инклюзивных институтов требует плюрализма, т.е. участия и поддержки широких общественных коалиций. Последующее развитие событий в России подтвердило данную закономерность.

2.2. Возникновение экстрактивных институтов

В начале 1990-х годов российская демократия функционировала с большими перебоями. Хронический конфликт между ветвями власти периодически обострялся и достиг трагической кульминации в октябре 1993 г., повлекшей за собой кровопролитие и применение военной силы. В возникшей после кризиса суперпрезидентской системе сдержки и противовесы оказались значительно ослаблены. Одновременно началось массовое использование СМИ в политических целях, возникла новая профессия «политтехнолог» — специалист по манипуляции политическими процедурами и общественным мнением для достижения заказанных результатов.

В результате демократия оказалась дискредитированной в общественном мнении, и в российском обществе на фоне глубокого экономического кризиса распространились «ценности выживания» (Inglehart, Welzel, 2005), когда частные проблемы индивида и его семьи вытесняют в сознании проблемы общества. Политическая апатия и цинизм привели к массовому уходу (*exit*) из общественной жизни и отказу от участия в демократических процессах (*voice*; см. (Hirschman, 1970)). Фактически общество смирилось с аутсорсингом

⁷ «Парадоксально, что те, кто верят в информационную эффективность децентрализованных решений, больше всего ее и опасаются [и считают народ] главной преградой реформам» (Przeworski, 1991, p. 185).

институциональных реформ группам интересов, которые быстро заполнили вакуум представительства (Полищук, 2013).

На протяжении ряда лет в российской экономике, а затем и политике доминировали олигархи — немногочисленная группа лиц, под контролем которой находилось производство более половины национального дохода страны, в том числе в наиболее прибыльных сырьевых отраслях. Возникновение олигархии объясняется уже упоминавшимися преимуществами коллективных действий в малых группах (Olson, 1965), а также высокой концентрацией ренты в переходных экономиках (Hellman, 1998). Олигархи стали экономической элитой посткоммунистической России, и их экономическая власть, не уравновешенная политически пассивными и разобщенными массами, трансформировалась, в соответствии с логикой «*Why Nations Fail*», в политическое влияние, вследствие чего олигархия получила фактический карт-бланш в отношении российских институтов. Опять-таки подтверждая логику книги, олигархи распорядились этой властью для установления в стране экстрактивных институтов.

Институциональные риски олигархической структуры собственности и политического влияния длительное время недооценивались в научной литературе, где преобладал эволюционный взгляд на институты. Считалось, что демонтаж советского режима расчищает площадку для рыночных сил и рационального выбора не только в самой экономике, но и в институциональном строительстве, где более эффективные режимы возникнут спонтанно, под действием невидимой руки. В этом смысле контроль олигархов над большей частью советского экономического наследия хотя и выглядел сомнительным в глазах общественного мнения и порождал неслыханное прежде экономическое неравенство, но не давал повода для опасений относительно качества институтов, в том числе ключевого института — прав собственности. Можно было надеяться, что олигархи как крупные собственники жизненно заинтересованы в надежной защите прав собственности и распорядятся своим влиянием для скорейшего утверждения и упрочения данного института (Boycso, Shleifer, Vishny, 1997). Защита прав собственности в таком случае была бы обеспечена в ответ на спрос, предъявляемый частным сектором, как это уже случилось в мировой истории (см., например, (Acemoglu, 2003)).

Данная логика, однако, фокусируется на экономической эффективности прав собственности (и других инклюзивных институтов), но игнорирует при этом их распределительные последствия, которыми, по мнению Д. Асемоглу и Дж. Робинсона, главным образом и объясняется разнообразие институциональных режимов. Предположение о заинтересованности олигархов в универсальной защите прав собственности противоречит общему тезису о том, что элиты предпочитают экстрактивные институты (см. п. 3.2), и опровергается предметным анализом спроса на права собственности в зависимости от

концентрации активов в экономике (Polishchuk, Savvateev, 2004). Эмпирическое подтверждение нежелания олигархов добиться надежной защиты прав собственности можно обнаружить, следуя логике выявленных предпочтений, в многократно подтвержденной уязвимости прав собственности в российском частном секторе в течение всего периода доминирования олигархов в экономике и политике страны (Polishchuk, 2013).

Сопротивление экономических элит инклюзивным институтам, создание которых было целью реформ, стало одним из сюрпризов переходного периода. Основное противодействие реформам ожидалось в виде популизма масс, чем главным образом и мотивировалось замораживание демократии на время переходного периода. На самом деле, по наблюдению Дж. Хеллмана (Hellman, 1998), в оппозиции правам собственности, свободной конкуренции и верховенству закона находятся не экономические жертвы, а бенефициары реформ, которые извлекают обширную ренту из частично либерализованной и непрозрачно приватизированной экономики и оберегают институциональные источники этой ренты⁸. Такой исход возникает на политическом фоне подавленной и/или номинальной демократии, как это было в России. Наоборот, в странах с более полноценной демократией, где, казалось бы, действия реформаторов связаны их подотчетностью перед обществом, рыночные реформы оказываются успешнее, и такие страны добиваются значительных преимуществ в развитии (Hellman, 1998). Поддержка в обществе и политическая конкуренция в процессе реформ облегчают завершение преобразований, консолидируют демократические институты и при этом повышают качество принимаемых решений (Bresser Pereira et al., 1993). Данный вывод полностью согласуется с тезисом о необходимости плюрализма для утверждения инклюзивных институтов в политике и экономике.

2.3. За критической развилкой

Демонтаж коммунистических режимов в бывшем СССР и других странах социалистического лагеря обладал всеми признаками критической развилки, за которой происходит расхождение институциональных и социально-экономических траекторий. Факторами сортировки оказались инклюзивность реформ и демократическая подотчетность власти во время проведения преобразований. Как это нередко бывает на критических развилках, кратковременные и, казалось бы, сугубо технические по своей природе различия в стратегии реформ имели далеко идущие последствия и предопределили тип институционального режима на последующие десятилетия.

В России дефицит демократии в 1990-е годы привел к появлению олигархии и возникновению экономических и политических институтов экстрактивного типа. В начале 2000-х годов влияние олигархов значительно ослабело, они были равноудалены от принятия

⁸ Характерно признание А. Шляйфера в том, что, вопреки его более ранним представлениям, «реформаторам следует опасаться не популизма, а захвата политики новыми элитами» (<http://voxeu.org/article/seven-things-i-learned-about-transition-communism>).

государственных решений, а их активы в значительной части отошли к государственным корпорациям, занявшим доминирующее положение в российской экономике. Эти перемены, однако, не привели к появлению в России инклюзивных институтов, о чем свидетельствуют по-прежнему низкие рейтинги российских институтов по сравнению с другими странами мира (Polishchuk, 2013).

Современная Россия, таким образом, дает еще одно подтверждение устойчивости экстрактивных институтов, однажды возникших на критической развилке. Тип институтов не меняется даже на фоне радикальных политических преобразований – в случае России речь идет о создании в начале 2000-х годов вертикали власти. В течение первого постсоветского десятилетия российское государство оставалось ослабленным и уязвимым к манипуляциям различных групп интересов. В обществе возник отчетливый спрос на наведение порядка и патерналистское государство, которое заменило бы дискредитированные в общественном сознании рынок и плюралистическую демократию. «“Вертикаль власти” появилась в ответ на такой спрос, однако правящие элиты получили значительную свободу рук в распоряжении ресурсами и принятии решений, при условии выполнения достаточно скромных социальных обязательств перед населением. Контроль элит над экономикой и политикой без реально действующих сдержек и противовесов является видовым признаком экстрактивных институтов, которые таким образом уцелели при строительстве вертикали власти» (Полищук, 2013) и сохранились до настоящего времени, несмотря на изменения в составе элит. Такие институты оказались неспособными поддержать экономический рост в условиях менее благоприятной конъюнктуры на мировых рынках, вследствие чего российская экономика в последние годы находится в состоянии стагнации и спада.

2.4. Роль культуры

Подтверждая общие закономерности институциональной динамики, описанные Д. Асемоглу и Дж. Робинсоном, Россия на протяжении последней четверти века сохраняла порочный круг воспроизводства экстрактивных институтов в экономике и политической сфере. Вместе с тем российский опыт указывает на важный элемент данного механизма, который не получил должного внимания в «*Why Nations Fail*». Речь идет о культуре, понимаемой как совокупность преобладающих в обществе норм, ценностей и взглядов, которая находится в тесной связи с экономическими и политическими институтами.

На рубеже 1980–1990-х годов идеи рынка и демократии пользовались в российском обществе значительной популярностью и поддержкой, о чем свидетельствуют, в частности, проводившиеся в то время социологические опросы (Shiller, Boycko, Korobov, 1991; Gibson, Duch, Tedin, 1992). Несколькими годами позже общественные настроения радикально изменились, отражая опыт жизни в поре-

форменной России, в том числе глубокий спад в экономике, коллапс системы государственных услуг и обязательств, резкий рост неравенства и неспособность номинально демократической системы власти обеспечить представительство общественных нужд и интересов (Gaber, Polishchuk, Stukal, 2016). Как уже отмечалось, реалии первых лет реформ привели к распространению в российском обществе ценностей выживания, вытеснивших ценности автономии и гражданской культуры (осознания индивидом личной ответственности за положение дел в обществе).

Исследования последних лет свидетельствуют о том, что культура отражает не только сформировавшиеся в течение длительных периодов истории нормы и ценности, но и непосредственный опыт ныне живущих поколений (см., например, (Mishler, Rose, 2001; Pop-Eleches, Tucker, 2016)). Культура становится, таким образом, важной частью механизма критической развилки и возникающего вслед за ней добродетельного либо порочного круга соответственно инклюзивных или экстрактивных институтов. В первом случае в обществе укрепляется доверие к институтам и накапливается опыт их успешного использования, тогда как во втором в массах преобладают политическая апатия и уход из общественной жизни, что облегчает элитам сохранение контроля над экономикой и политикой. Одновременно отсутствие инклюзивных экономических институтов не позволяет массам получить адекватную отдачу на частные активы, в первую очередь – человеческий капитал, что порождает неверие в собственные силы и возможности и укрепляет патерналистские настроения и зависимость от государства. Все перечисленное создает культурный фундамент для экстрактивных институтов, которые не обязательно навязываются обществу элитами с использованием обширных ресурсов правящего класса (как это явно или неявно предполагается в «*Why Nations Fail*»), но во многом отвечают деформированному этими же институтами общественному спросу.

Признаки наличия культурного приводного ремня в механизме экстрактивных институтов в России обнаруживаются в данных опросов проекта World Values Survey⁹, проводившихся в России раз в пять лет начиная с 1990 г. Результаты опросов указывают на резкое сокращение участия в общественной жизни и падение интереса к политике между 1990 и 1995 г., рост поддержки идеи сильного лидера, не ограниченного сдержками и противовесами, и отказ от обязанности отвечать за собственное благосостояние. В дальнейшем указанные и аналогичные им показатели либо сохраняются на уровнях, близких к достигнутым в 1995 г., либо продолжают ухудшаться, хотя уже не столь быстро, в целом воспроизводя динамику качества экономических и политических институтов в России (Gaber, Polishchuk, Stukal, 2016). При этом десятилетие экономического роста с 1999 по 2008 г., позволившее компенсировать потери кризиса 1990-х годов и превзойти дорефор-

⁹ www.worldvaluessurvey.org.

менный уровень ВВП, не привело к улучшению институтов, как этого можно было ожидать в соответствии с гипотезой развития (см. также (Shleifer, Treisman, 2005)), и не смогло обратить негативную динамику норм и ценностей, на что позволяла надеяться гипотеза модернизации (Inglehart, Baker, 2000). Возникшие в России после критической развилки экстрактивные институты и сопряженные с ними нормы и ценности оказались устойчивыми к изменениям экономической конъюнктуры.

3. Заключение

Современные взгляды на институты и развитие всеяют одновременно оптимизм и пессимизм. Основанием для оптимизма (Арсланов, 2016) является вывод о том, что ключом к развитию являются инклюзивные институты, которые в принципе могут быть введены в любой стране, вне зависимости от текущего состояния экономики, географии и особенностей культуры¹⁰. Согласно знаменитому определению Д. Норта, институты рукотворны¹¹, и если понятно, какие институты необходимы для развития, то все, что остается сделать, — это создать такие институты. Опыт успешных стран и экономик свидетельствует о том, что бедность и отсталость можно преодолеть, обеспечив благоприятные условия для использования и приумножения производственных ресурсов, причем этот рецепт применим универсально, при любых обстоятельствах места и времени.

Ясность диагноза и кажущаяся простота лечения ставят новый, более сложный вопрос (Acemoglu, Johnson, Robinson, 2005a), если бедность порождена плохими институтами, то что мешает эти институты улучшить. Ответ дает политическая экономия — предпочтения элит в отношении институтов не совпадают с общественными нуждами и часто противоречат им. Если институты находятся под контролем элит, то прогрессивные реформы маловероятны, а отсутствие реформ сохраняет монополию элит. Укорененность и устойчивость неэффективных институтов и их воспроизводство в порочном круге эксплуатации и неравенства являются поводом для пессимизма.

Российские реформы начала 1990-х годов были проникнуты инженерным подходом к институтам и расчетом на то, что стандартный набор преобразований — либерализация, приватизация и финансовая стабилизация — приведет к возникновению в России эффективной рыночной экономики. В экономической литературе подробно анализируются недостатки и риски такого подхода (см., например, (Полтерович, 2007)), в том числе дезорганизация экономики, чреватая экономическим спадом, отторжение, атрофия или нецелевое использование новых институтов, интенсификация борьбы за ренту в переходной экономике, несправедливое распределение в обществе издержек и выгод реформ, и пр.

¹⁰ Последний вывод, впрочем, вызывает возражения — культура серьезно влияет на функционирование и эффективность институтов и находится с ними во взаимной зависимости (подробнее см. в (Alesina, Giuliano, 2015)).

¹¹ «Institutions are the humanly devised constraints that structure political, economic, and social interaction» (North, 1991, p. 97).

Исследования последнего времени в области политической экономики институтов привлекают внимание к еще одному серьезному пороку российской стратегии реформ — отказу от создания широкой общественной коалиции в пользу нового экономического порядка. Политэкономия институциональных преобразований воспринималась реформаторами утилитарно — как наука и искусство осуществления не поддерживаемых обществом реформ, а риски подчинения создаваемых институтов новыми элитами не принимались во внимание. В результате Россия оказалась в ловушке экстрактивных институтов, подтверждая закономерности, проиллюстрированные Д. Асемоглу и Дж. Робинсоном в «*Why Nations Fail*».

ЛИТЕРАТУРА

- Асемоглу Д., Робинсон Дж.** (2015). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ.
- Арсланов В.** (2016). Инклюзивные институты — основной фактор устойчивого роста? Статья 1 // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 36–47.
- Гайдар Е.** (1996). Дни поражений и побед. М.: Вагриус.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.** (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института им. Е.Т. Гайдара.
- Полищук Л.** (2013). Аутсорсинг институтов // *Вопросы экономики*. № 9. С. 40–65.
- Полтерович В.** (2007). Элементы теории реформ. М.: Экономика.
- Acemoglu D.** (2003). Why Not a Political Coase Theorem? Social Conflict, Commitment and Politics // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 31(4). P. 620–652.
- Acemoglu D., Johnson S., Querubin P., Robinson J.** (2008). When Does Policy Reform Work — The Case of Central Bank Independence // *Brookings Papers on Economic Activity*. No. 1. P. 351–418.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.** (2001). The Colonial Origins of Comparative Development. An Empirical Investigation // *American Economic Review*. Vol. 91(5). P. 1369–1401.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.** (2002). Reversal of Fortune: Geography and Institution in the Making of the Modern World Income Distribution // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 117(4). P. 1231–1294.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.** (2005a). The “Rise of Europe”: Atlantic Trade, Institutional Change, and Economic Growth // *American Economic Review*. Vol. 95(2). P. 546–579.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.** (2005b). Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth. In: Aghion Ph., Durlauf S. (eds.) “*Handbook of Economic Growth*”. P. 386–472.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J., Yared P.** (2008). Income and Democracy // *American Economic Review*. Vol. 98(3). P. 803–842.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J., Yared P.** (2009). Reevaluating the Modernization Hypothesis // *Journal of Monetary Economics*. Vol. 56 (8). P. 1043–1058.

- Acemoglu D., Robinson J.** (2006). *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. Cambridge MA: Cambridge University Press.
- Acemoglu D., Robinson J.** (2008). Persistence of Power, Elites, and Institutions // *American Economic Review*. Vol. 98(1). P. 267–293.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J., Yared P.** (2008). Income and Democracy // *American Economic Review*. Vol. 98(3). P. 803–842.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J., Yared P.** (2009). Reevaluating the Modernization Hypothesis // *Journal of Monetary Economics*. Vol. 56 (8). P. 1043–1058.
- Alesina A., Giuliano P.** (2015). Culture and Institutions // *Journal of Economic Literature*. Vol. 53 (4). P. 898–944.
- Alesina A., Drazen A.** (1991). Why Are Stabilizations Delayed? // *American Economic Review*. Vol. 81(5). P. 1170–1188.
- Barro R.** (1999). Determinants of Democracy // *Journal of Political Economy*. Vol. 107(6). P. S158–S183.
- Boycko M., Shleifer A., Vishny R.** (1997). *Privatizing Russia*. Cambridge: MIT Press.
- Bresser Pereira L.C., Maravali J.M., Przeworski A.** (1993). *Economic Reforms in New Democracies: A Social-Democratic Approach*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Coase R.** (1960). The Problem of Social Cost // *Journal of Law and Economics*. Vol. 3(1). P. 1–44.
- Engerman S., Sokoloff K.** (2000). Institutions, Factor Endowments, and Paths of Development in the New World // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 14 (3). P. 217–232.
- Gaber E., Polishchuk L., Stukal D.** (2016). *Chronicles of a Democracy Postponed: Cultural Legacy of Russian Transition*. Mimeo.
- Gibson J., Duch R., Tedin K.** (1992). Democratic Values and the Transformation of the Soviet Union // *Journal of Politics*. Vol. 54 (2). P. 329–71.
- Glaeser E., Porta R. Ia, Lopez-de-Silanes F., Shleifer A.** (2004). Do Institutions Cause Growth? // *Journal of Economic Growth*. Vol. 9 (3). P. 271–303.
- Hellman J.** (1998). Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Post-Communist Transitions // *World Politics*. Vol. 50 (2). P. 203–234.
- Hirschman A.** (1970). *Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*. Cambridge: Harvard University Press.
- Inglehart R., Baker W.** (2000). Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*. Vol. 65 (1). P. 19–51.
- Inglehart R., Welzel C.** (2005). *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kuran T.** (1997). *Private Truths, Public Lies. The Social Consequences of Preference Falsification*. Cambridge: Harvard University Press.
- Lipset S.** (1960). *Political Man: The Social Bases of Politics*. New York: Anchor Books.
- Lizzeri A., Persico N.** (2004). Why Did the Elites Extend the Suffrage? Democracy and the Scope of Government, with an Application to Britain's "Age of Reform" // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 119 (2). P. 707–765.

- Mishler W., Rose R.** (2001). What Are the Origins of Political Trust? Testing Institutional and Cultural Theories in Post-Communist Societies // *Comparative Political Studies*. Vol. 34 (1). P. 30–62.
- North D.** (1991). Institutions // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 5 (1). P. 97–112.
- North D., Wallis J., Weingast B.** (2009). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nunn N.** (2008). Slavery, Inequality, and Economic Development in the Americas: An Examination of the Engerman–Sokoloff Hypothesis. In: E. Helpman (ed.) *“Institutions and Economic Performance”*. Cambridge: Harvard University Press. P. 148–180.
- Nunn N.** (2009). The Importance of History for Economic Development // *Annual Review of Economics*. Vol. 1. P. 65–92.
- Olson M.** (1965). *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge: Harvard University Press.
- Polishchuk L.** (2012). Misuse of Institutions: Lessons from Transition. In: Roland G. (ed.) *“Economies in Transition: The Long Run-View”*. Chippenham: Palgrave Macmillan. P. 172–193.
- Polishchuk L.** (2013). Institutional Performance. In: Weber S., Alexeev M. (eds.) *“Oxford Handbook of the Russian Economy”*. Oxford: Oxford University Press. P. 189–220.
- Polishchuk L., Savvateev A.** (2004). Spontaneous (Non)emergence of Property Rights // *Economics of Transition*. Vol. 12(1). P. 103–127.
- Polishchuk L., Syunyaev G.** (2015). Ruling Elites’ Rotation and Asset Ownership: Implications for Property Rights // *Public Choice*. Vol. 162(1). P. 159–182.
- Pop-Eleches G., Tucker J.** (2016). Communism’s Shadow: Historical Legacies, and Political Values and Behavior. Mimeo.
- Porta R. la, Lopez-de-Silanes F., Shleifer A.** (2008). The Economic Consequences of Legal Origins. *Journal of Economic Literature*. Vol. 46 (2). P. 285–322.
- Przeworski A.** (1991). *Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Przeworski A.** (2004). The Last Instance: Are Institutions the Primary Cause of Economic Development? // *European Journal of Sociology*. Vol. 45 (2). P. 165–188.
- Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J., Limongi F.** (2000). *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rodrik D.** (1996). Understanding Economic Policy Reform // *Journal of Economic Literature*. Vol. 34 (1). P. 9–41.
- Rodrik D.** (2006). Goodbye Washington Consensus, Hello Washington Confusion? A Review of the World Bank’s Economic Growth in the 1990s: Learning from a Decade of Reform // *Journal of Economic Literature*. Vol. 44 (4). P. 973–987.
- Roland G.** (2000). *Transition and Economics*. Cambridge: MIT Press.
- Shiller R., Boycko M., Korobov V.** (1991). *Popular Attitudes Towards Free Markets:*

The Soviet Union and the United States Compared // *American Economic Review*. Vol. 81 (3). P. 385–400.

Shleifer A., Treisman D. (2005). A Normal Country: Russia after Communism // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 19 (1). P. 151–174.

Williamson J. (ed.) (1996). *The Political Economy of Policy Reform*. Washington: Institute for International Economics.

Поступила в редакцию 24 декабря 2016 года

REFERENCES (with English translation or transliteration)

- Acemoglu D.** (2003). Why Not a Political Coase Theorem? Social Conflict, Commitment and Politics. *Journal of Comparative Economics*, 31 (4), 620–652.
- Acemoglu D., Johnson S., Querubin P., Robinson J.** (2008). When Does Policy Reform Work – The Case of Central Bank Independence. *Brookings Papers on Economic Activity*, 1, 351–418.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.** (2001). The Colonial Origins of Comparative Development. An Empirical Investigation. *American Economic Review*, 91 (5), 1369–1401.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.** (2002). Reversal of Fortune: Geography and Institution in the Making of the Modern World Income Distribution. *Quarterly Journal of Economics*, 117 (4), 1231–1294.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.** (2005a). The “Rise of Europe”: Atlantic Trade, Institutional Change, and Economic Growth. *American Economic Review*, 95 (2), 546–579.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.** (2005b). Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth. In: Aghion Ph., Durlauf S. (eds.) “*Handbook of Economic Growth*”, 386–472.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J., Yared P.** (2008). Income and Democracy. *American Economic Review*, 98 (3), 803–842.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J., Yared P.** (2009). Reevaluating the Modernization Hypothesis. *Journal of Monetary Economics*, 56 (8), 1043–1058.
- Acemoglu D., Robinson J.** (2006). *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Acemoglu D., Robinson J.** (2008). Persistence of Power, Elites, and Institutions. *American Economic Review*, 98 (1), 267–293.
- Acemoglu D., Robinson J.** (2015). *Why Some Countries Are Rich, and Other Poor. Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. Moscow: ACT (in Russian).
- Alesina A., Drazen A.** (1991). Why Are Stabilizations Delayed? *American Economic Review*, 81 (5), 1170–1188.
- Alesina A., Giuliano P.** (2015). Culture and Institutions. *Journal of Economic Literature*, 53 (4), 898–944.
- Arslanov V.** (2016). Are Inclusive Institutions the Main Factor of Sustainable Growth? Part I. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost'*, 4, 36–47 (in Russian).
- Barro R.** (1999). Determinants of Democracy. *Journal of Political Economy*, 107(6), S158–S183.

- Boycko M., Shleifer A., Vishny R.** (1997). Privatizing Russia. Cambridge: MIT Press.
- Bresser Pereira L.C., Maravali J.M., Przheworski A.** (1993). Economic Reforms in New Democracies: A Social-Democratic Approach. Cambridge: Cambridge University Press.
- Coase R.** (1960). The Problem of Social Cost. *Journal of Law and Economics*, 3 (1), 1–44.
- Engerman S., Sokoloff K.** (2000). Institutions, Factor Endowments, and Paths of Development in the New World. *Journal of Economic Perspectives*, 14 (3), 217–232.
- Gaber E., Polishchuk L., Stukal D.** (2016). Chronicles of A Democracy Postponed: Cultural Legacy of Russian Transition. Mimeo.
- Gaidar Ye.** (1996). Days of Defeats and Victories. Moscow: Vagrius (in Russian).
- Gibson J., Duch R., Tedin K.** (1992). Democratic Values and the Transformation of the Soviet Union. *Journal of Politics*, 54 (2), 329–71.
- Glaeser E., Porta R. Ia, Lopez-de-Silanes E., Shleifer A.** (2004). Do Institutions Cause Growth? *Journal of Economic Growth*, 9 (3), 271–303.
- Hellman J.** (1998). Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Post-Communist Transitions. *World Politics*, 50 (2), 203–234.
- Hirschman A.** (1970). Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States. Cambridge: Harvard University Press.
- Inglehart R., Baker W.** (2000). Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*, 65 (1), 19–51.
- Inglehart R., Welzel C.** (2005). Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kuran T.** (1997). Private Truths, Public Lies. The Social Consequences of Preference Falsification. Cambridge: Harvard University Press.
- Lipset S.** (1960). Political Man: The Social Bases of Politics. New York: Anchor Books.
- Lizzeri A., Persico N.** (2004). Why Did the Elites Extend the Suffrage? Democracy and the Scope of Government, with an Application to Britain's "Age of Reform". *Quarterly Journal of Economics*, 119 (2), 707–765.
- Mishler W., Rose R.** (2001). What Are the Origins of Political Trust? Testing Institutional and Cultural Theories in Post-Communist Societies. *Comparative Political Studies*, 34 (1), 30–62.
- North D.** (1991). Institutions. *Journal of Economic Perspectives*, 5 (1), 97–112.
- North D., Wallis J., Weingast B.** (2011). Violence and Social Order. Conceptual Framework for Recorded Human History. Moscow: Izd-vo Instituta im. E.T. Gaidara (in Russian).
- North D., Wallis J., Weingast B.** (2009). Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nunn N.** (2008). Slavery, Inequality, and Economic Development in the Americas: An Examination of the Engerman–Sokoloff Hypothesis. In: Helpman E. (ed.) "Institutions and Economic Performance". Cambridge: Harvard University Press, 148–180.
- Nunn N.** (2009). The Importance of History for Economic Development. *Annual Review of Economics*, 1, 65–92.

- Olson M.** (1965). *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge: Harvard University Press.
- Polishchuk L.** (2012). Misuse of Institutions: Lessons from Transition. In: Roland G. (ed.) *Economies in Transition: The Long Run-View*. Chippingham: Palgrave Macmillan, 172–193.
- Polishchuk L.** (2013). Institutional Outsourcing. *Voprosy Ekonomiki*, 9, 40–65 (in Russian).
- Polishchuk L.** (2013). Institutional Performance. In: Weber S., Alexeev M. (eds.) *Oxford Handbook of the Russian Economy*. Oxford: Oxford University Press, 189–220.
- Polishchuk L., Savvateev A.** (2004). Spontaneous (Non)emergence of Property Rights. *Economics of Transition*, 12 (1), 103–127.
- Polishchuk L., Syunyaev G.** (2015). Ruling Elites' Rotation and Asset Ownership: Implications for Property Rights. *Public Choice*, 162 (1), 159–182.
- Polterovich V.** (2007). Elements of Reform Theory. Moscow: Ekonomika (in Russian).
- Pop-Eleches G., Tucker J.** (2016). Communism's Shadow: Historical Legacies, and Political Values and Behavior. Mimeo.
- Porta R. la, Lopez-de-Silanes F., Shleifer A.** (2008). The Economic Consequences of Legal Origins. *Journal of Economic Literature*, 46 (2), 285–322.
- Przeworski A.** (1991). Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge: Cambridge University Press.
- Przeworski A.** (2004). The Last Instance: Are Institutions the Primary Cause of Economic Development? *European Journal of Sociology*, 45 (2), 165–188.
- Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J., Limongi F.** (2000). Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rodrik D.** (1996). Understanding Economic Policy Reform. *Journal of Economic Literature*, 34 (1), 9–41.
- Rodrik D.** (2006). Goodbye Washington Consensus, Hello Washington Confusion? A Review of the World Bank's Economic Growth in the 1990s: Learning from a Decade of Reform. *Journal of Economic Literature*, 44 (4), 973–987.
- Roland G.** (2000). *Transition and Economics*. Cambridge: MIT Press.
- Shiller R., Boycko M., Korobov V.** (1991). Popular Attitudes Towards Free Markets: The Soviet Union and the United States Compared. *American Economic Review*, 81 (3), 385–400.
- Shleifer A.** (2012). Seven Things I Learned about Transition from Communism. CEPR's Policy Portal. Available at: <http://voxeu.org/article/seven-things-i-learned-about-transition-communism> (accessed: April 2017).
- Shleifer A., Treisman D.** (2005). A Normal Country: Russia after Communism. *Journal of Economic Perspectives*, 19 (1), 151–174.
- Williamson J.** (ed.) (1996). *The Political Economy of Policy Reform*. Washington: Institute for International Economics.

Received 24.12.2016

T.V. Natkhov
Brown University, USA

L.I. Polishchuk
National Research University Higher School of Economics, Moscow,
Russia

Political Economy of Institutions and Development : The Importance of Being Inclusive

Reflection on “Why Nations Fail” by D. Acemoglu and J. Robinson

Part II. Institutional change and implications for Russia

Abstract. We discuss the evolving views on institutions and development in modern political economy, and in particular the contribution to the field by D. Acemoglu and J. Robinson, explaining root causes of successes and failures in economic development. The focus of discussion is on inclusive and extractive institutional regimes – the former sustain economic growth, whereas the latter enable the elites to expropriate the rest of society. Although extractive institutions are inefficient and obstruct development, they are preferred by the elites and hence can be reproduced over long periods of time in vicious circles of economic and political inequality. We apply the above concepts and views to the post-Soviet period of the Russian history, where the market reforms of the early 1990s became a “critical juncture” which has shaped Russia’s institutional regime for decades to come. It is argued that suppression of social participation and control at the time of market reforms in Russia has had long-term institutional legacy and resulted in the emergence and persistence of extractive institutions in post-communist Russia. The interplay between institutions and cultural change is discussed.

Keywords: *inclusive and extractive institutions, critical junctures, political economy of institutions and development.*

JEL Classification: D72, O10, O57, P16.